

Знамение

Бабка Лукониха видела бога.
Видела дважды — на зорьке и в полдень.
Бог продвигался вдоль Волчьего лога
весь осиянный и в белом исподнем.

С утра обошла всё село и селянам
гуторила новость про чудо святое:
— Гляжу: он идёт, нет, плывёт над поляной,
а над головою кольцо золотое...

И робко вздыхая, крестилась на гору.
Её утешали резонно старухи:
— Знать, сыну Валерке амнистия скоро
иль будет от дочки письмо из Мозжухи...

Наверно, ей это приснилось. Поскольку
старуха — одна, да и бог в её сказе
был явно похожим на Климова Кольку,
что уголь привёз ей бесплатно на МАЗе.

Ночь Гоголя

Смотрел на свечу и бумагу,
как воск на подсвечник течёт...
И вот из глухого оврага
явился с чернильницей чёрт.
Но следом торжественно-строго
Надмирный прорезался Свет,
который горит раз в сто лет,
чтоб сердцем прозреть перед Богом.
Но в смысле высоком знаменья
душа не признала родства.
Он Свет, что был дан во спасенье,
легко переплавил в слова
восторга, печали и гнева...
И чёрт, осознавши сюжет,
не загораживал неба,
чтоб виден был божеский Свет.
Задумались травы и реки,
и всадник над степью взлетел,
и подняв набрякшие веки,
вгляделся в грядущий предел.
Вздыхал за деревьями ветер
из прошлых полынных теней.
— Что видишь ты там, за столетьем?
— Я смерти не вижу своей...

Старая кузница

Копоть и сажа погасших огней.
Вход занавесил подрост тальниковый.
Не оседлать здесь воскресших коней —
ржой изошли стремяна и подковы.

Звон наковальни полынью сокрыт,
зябко несёт из дверей пустотою.
Так просветлённой прохладой сквозит,
будто под кузней колодец с водою.

Льются протяжно сквозь щели лучи
цветом вечерней щемящей печали.
Словно наивного счастья ключи,
счастья, которое не доковали.

Полуистлевшие спицы колёс,
мохом покрыты венцы и стропила.
Ветхую крышу прошила насквозь
жгучим дремучим побегом крапива...

В полночь под лай деревенских собак
скорбная тень кузнеца оживает.
Тяжко вздыхает и курит табак,
в горне остывшем золу разжигает.

Глухо меха проворчат, и огни
вспыхнут на время и тут же погаснут.
Словно хотел озарить наши дни,
но убедился, что это напрасно...

Реки Алтая

Полноводная Бия, седая Катунь,
Обь, бурлящая громом столетним.
И над вами такой благодатный июнь!
Подними веки Вию — ослепнет.

Величавый покой и задумчивый бег
вод, где зябко в глубинах искрится
деревянное солнце крестьянских телег
из небес пасторальной столицы.

Чьи тут мифы и тайны осели на дно
и томятся во мгле ожиданий?
Будто вовсе не воды — течёт полотно
древних свитков былин и преданий.

Ваша память в мерцании лиц и имён
пролегла далеко и глубоко:
до пещерных племён, до истоков времён,
где лицо отражается Бога.

И душа моя вздрогнет и, вторя листве,
затрепещет светло и печально.
Словно с вами она состояла в родстве
в сокровенных глубинах начальных.

Берендеевый полдень, полёт облаков
над сиренью распахнутых улиц.
Да прибрежные камни, как эхо волхвов,
что из странствий камнями вернулись.

Отворяйте врата ваших альф и омег
до цветущей черёмухи мая!
Принимаю, мой друг, красоту ваших рек
и зачем нам она — понимаю...

Рассыпай, балалайка, аккорды
о распахнутом в полночь окне,
как Коврижных, жиганская морда,
стал известным поэтом в стране.

Пусть не зван я на телеканалы,
но охотно мою пастораль
публикуют во всяких журналах,
на Байкальский зовут фестиваль.

Видно, местность в Бачатах такая,
где таёжные дали глухи,
вдруг прольётся тоска золотая,
что невольно напишешь стихи.

«Знаю, знаю», — сказал уже Тряпкин.
Но что делать, коль выпало так:
огород, палисадник и грядки,
и на грядке цветёт Пастернак;

что плывут парусами Гомера
облака над окрестным холмом,
что над старым отвалом карьера
кузнецовский просыпался гром?

И свою балалайку настроив
на особый лирический лад,
я пою про былинных героев,
что глядят из небесных палат,

о берёзках, заплотах дощатых,
про медовый над пасекой звон,
про корову и дом свой в Бачатах,
где по праздникам пью самогон.

Ни к чему мне планида другая,
мне в деревне понравилось жить.
Может, петь мне Господь помогает?
Я не знаю... Но всё может быть.

После грозы

Прояснились небесные глаза,
раскинулась дуга над водоёмом.
Брела на север медленно гроза,
окрестности облаивая громом.

Дымился под лучами чернозём,
ручьи бросались весело с обрыва.
И наливалась жгучим кипятком
на пустыре воспрявшая крапива.

Закопошились куры в лопухах,
томился запах сена под навесом.
И, не успев обсохнуть, на глазах
ржавело возле кузницы железо.

Кипела в палисаднике сирень
и, затаив дыхание, Природа
глядела на умытый ясный день,
как на младенца после трудных родов.

Там, в народной глуши...

Подпоясаны дни то вожжой, то тесьмой.
Живы хлебом и небом разлук.
Деревянными буквами пишут письмо
В министерство почётных наук:
Как построить за баней Егора сельмаг,
Институт благородных колёс,
Чтоб прислали на почту казённых бумаг,
Чтоб земную помазали ось.
Дескать, время скрипит, будто ржавый засов,
Отстаёт от метро и ракет.
Длится день двадцать семь с половиной часов,
Ночь? — единого мнения нет.

Непонятого свойства часы и труды.
То ль ночуют кудесники тут?
На неделе семь пятниц, четыре среды,
Дни другие — в сарае живут.
Из дремучих подворий, бурьянов глухих
Бесполезный айфон голосит.
И колхозное знамя побед трудовых
Над избой комбайнёра висит...

Там за Лысой горой — царство вечных болот,
Где по воле небесных огней
Истребительских войск утонул самолёт
И поэт евразийских кровей.

А за взгорком — простор! Свет небесный высок,
В синеве соловейки полёт.
Берендеевым солнцем пронизан лесок,
И душа пасторали поёт!
Выйдет в поле старик, ветхой жизни жилец,
И взглянется в сияющий зной.

Так глядит далеко, словно видит дворец,
Где Господь проживает с семьёй.
В остальном, как и всюду: изба, огород
И следы заплутавших колёс.
На кривое крыльцо выйдет в валенках кот,
Спросит вежливо: «Рыбу принёс?»
Голосистый петух известит в лопухах
Об итогах хозяйских забот.
Электронное время придёт в сапогах,
Постоит... И обратно уйдёт.

Там, в народной глуши, бродит хмелем трава,
Облака серебрятся вдали.
Там для песни полезной сыскали слова,
только музыку к ним не нашли.
Там закатных коней стерегут до сих пор
На зелёном в ромашках лугу...
Я б срубил там избу или даже собор,
Да топор подобрать не могу...

Притихнут цветы во саду-огороде,
нашепчет мечта мне пустые слова,
что стану и я популярным в народе,
как «Поле чудес» или шоу «Дом 2».

Возможно, меня по шукшинскому следу,
в Москву пригласят и отвалят щедрот...
Но только туда я уже не поеду —
далёко, накладно и возраст не тот.

Мне славы районной — и то уже слишком.
Довольно, что нравлюсь друзьям и родным,
что плотник Лалетин берёт мои книжки
и вслух их читает детишкам своим.